

КАРИНА РОДИОНОВА

A woman with curly hair, wearing a bright pink and blue patterned one-piece swimsuit and blue swim goggles on her head, is sitting on the shoulders of a smiling man. They are outdoors near a swimming pool with green foliage in the background. The woman's hands are resting on the man's shoulders.

УРОКИ ПЛАВАНИЯ
для *пышки*

Карина Родионова

Уроки плавания для пышки

«Литнет»

2026

Родионова К.

Уроки плавания для пышки / К. Родионова — «Литнет», 2026

Полностью разочаровавшись в любви пышечка Светлана отправляется в курортный город, где решается взять уроки по плаванию. Тренер Андрей смог не только научить ее плавать, но и почувствовать свою ценность

© Родионова К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава 1

Я аккуратно, стараясь не повредить хрупкую слоеную конструкцию, извлекала вишенку из цукатов, венчающую мой третий за этот вечер кусок торта «Наполеон». В кафе «Бриошь», нашем с Мариной убежище от городской суеты и чужих взглядов, пахло жареным миндалем, влажной шерстью пальто и дорогим эспрессо. За окном хлестал апрельский дождь, безжалостно смывая с улиц последнюю грязь и надежды на скорую весну, но внутри, в нашем укромном уголке у дальней стены, было тепло, сытно и безопасно.

Я откусила вишенку, чувствуя, как сладкий сироп растворяется на языке, и тяжело вздохнула, откидываясь на спинку мягкого велюрового дивана. Диван предательски скрипнул, принимая мои сто десять килограммов живого, теплого, но такого уставшего от жизни веса. Мне тридцать. Тридцать лет, размер 54, мягкие руки, пышная грудь и бедра, которые, казалось бы, должны сводить мужчин с ума, если верить классической живописи Рубенса. Но, увы, мы живем не в эпоху барокко. Мы живем в эпоху фитнес-браслетов, безглютеновых диет и Tinder-анкет, где в графе «предпочтения» негласно стоит фильтр «до 50 кг».

— Ну рассказывай, — Марина подперла подбородок ладонью, ее тонкие пальцы с идеальным нюдовым маникюром обхватили чашку с капучино. Она смотрела на меня с той смесью сочувствия и готовности к бою, которая была свойственна только ей. Марина была моей полной противоположностью: худая, звонкая, с стрижкой «пикси» и личной жизнью, похожей на идеально выверенный график в Excel. — Как прошел вчерашний «поход в театр»? Тот самый Игорь, который писал тебе поэмы в мессенджере?

Я усмехнулась, облизнув губы, и провела салфеткой по пальцам.

— Поход в театр состоялся, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожащих ноток обиды. — Только вот театра я не увидела. И Игоря, по большому счету, тоже.

Марина нахмурилась, ее брови домиком поползли вверх.

— В смысле? Он тебя кинул у входа?

— Хуже, Марин. Он предложил встретиться не у центрального входа, где толпа и свет, а у боковой служебной двери, в переулке. Потому что, цитирую: «Там меньше шансов наткнуться на знакомых, и мы сможем спокойно поговорить перед началом». А после спектакля, когда мы вышли, и я предложила пройтись по набережной, он вызвал такси. Сказал, что устал, что пробки, что ноги болят. Но я видела, как он смотрел на меня, когда мы стояли под фонарем.

Я замолчала, глядя на тающий в кофейной чашке узор из пенки. Я знала этот взгляд. Я видела его сотни раз. Это был взгляд человека, который вдруг осознал, что купил kota в мешке. На фото в интернете, благодаря правильным ракурсам, утягивающему белью и умению играть со светом, я выглядела «аппетитной пышечкой». В жизни, в объемном пальто, я была «большой женщиной». Той самой, которую стыдливо прячут от друзей, матери и коллег.

— Он меня стеснялся, Марин, — тихо сказала я, и внутри, где-то в районе солнечного сплетения, привычно кольнуло. — Он стеснялся идти со мной по людной улице. Я для него была не женщиной, с которой он провел три недели в переписках, обсуждая Тарковского и джаз. Я была каким-то неудобным, громоздким секретом. Знаешь, как бывает: у человека есть дорогая машина, но он ездит на ней только по ночам, чтобы соседи не спросили, где он взял деньги. Вот и я — его ночная поездка.

Марина резко поставила чашку на блюдце, звон фарфора прозвучал как выстрел.

— Свинья. Обыкновенный, закомплексованный трус. Светка, да ты в сто раз умнее и глубже него! Ты помнишь, как ты мне объясняла сюжет «Братьев Карамазовых», пока мы ждали твою посылку? Этот твой Игорь в подметки тебе не годится!

— Дело не в Игоре, — я махнула рукой, чувствуя, как усталость наваливается на плечи. — Дело в системе. В том, что мне тридцать, и я устала. Устала быть «проектом». Помнишь

Кирилла, фитнес-тренера? Он же на третьем свидании подарил мне абонемент в зал и сказал: «Свет, у тебя такой потрясающий потенциал, мы из тебя конфетку сделаем». Я не конфетка, Марин. Я человек. Я не хочу, чтобы меня «оптимизировали», «улучшали» или «прятали». Я хочу, чтобы меня просто... взяли за руку. И повели гулять. При дневном свете. Но, видимо, на рынке невест я — неликвидный товар с истекшим сроком годности.

Я замолчала, ожидая, что Марина начнет меня утешать, говорить банальности про то, что «мой человек меня найдет» и «главное — это душа». Но Марина знала меня слишком давно. Она знала, что пустые обещания только раздражают. Вместо этого она молча придвинула ко мне вазочку с шоколадными трюфелями.

— Ешь, — скомандовала она. — Гормон счастья сейчас нужнее, чем иллюзии.

Я взяла трюфель, чувствуя, как горький шоколад тает во рту, и вдруг улыбнулась. Настоящей, широкой улыбкой, от которой, я знала, на моих щеках появляются ямочки, а глаза превращаются в щелочки.

— Знаешь что, Марин? К черту их всех. К черту Игорей, Кириллов и всех остальных «оптимизаторов». Я уйду в глухую оборону. Точнее, в стратегическое отступление.

Марина насторожилась.

— Куда ты собралась? В монастырь? В Индию искать себя? Предупреждаю сразу, я не переживу, если ты станешь веганом и начнешь присылать мне фотки своих чакр.

— Нет, — рассмеялась я. — Гораздо лучше. Я уезжаю к тете Вале. На все лето.

Глаза Марины расширились.

— На все?! Свет, ты же работаешь в агентстве! У тебя проекты, дедлайны, клиенты!

— Я договорилась об удаленке, — гордо ответила я, чувствуя, как внутри разливается тепло от одного только произнесения этого плана. — Шеф пошел навстречу. Я сдам свою квартиру на три месяца, упакую ноутбук, два чемодана с сарафанами и уеду. В наш любимый Геленджик. Точнее, в тот самый старый дом тетки Вали на окраине, с видом на горы и заросшим садом.

Я закрыла глаза и тут же, словно по волшебству, картина возникла передо мной. Я почувствовала этот запах: смесь раскаленной на солнце хвои, соленого морского бриза, пыли на проселочной дороге и сладкого аромата инжира, который спеет у нее под окном. Тетя Валя — женщина монументальная, шумная, с сердцем размером с арбуз и характером, способным отпугнуть любого налогового инспектора. У нее нет Wi-Fi, зато есть погреб с вареньем из грецких орехов и веранда, где по вечерам стрекочут цикады.

— Три месяца, Марин, — продолжала я, открывая глаза. — Три месяца без будильников, без метро, без косых взглядов в офисах и без этих чертовых свиданий. Я буду просыпаться под крик петуха, пить кофе на веранде, работать в тени виноградника, а вечером сидеть на крыльце и слушать, как шумит море. Я хочу раствориться. Хочу стать частью пейзажа. Там, на юге, большие женщины — это норма. Там тетя Валя и ее соседки сидят на лавочках, лузгают семечки и обсуждают цены на рыбу, и никому нет дела до того, есть у тебя целлюлит или нет. Там я буду просто Светланой. Дочкой покойной сестры Вали, приехавшей погостить.

Марина смотрела на меня с легкой завистью, помешивая ложечкой остывший кофе.

— Звучит... как рай. Честно, Свет. Я бы поехала с тобой, но у меня в июне аудит, а в июле свадьба брата. Но я рада за тебя. Тебе правда нужно выдохнуть. Сменишь картинку, перезагрузишь голову. Может, даже роман там какой-нибудь закрутишь с местным виноделом.

— Виноделы мне не нужны, — отмахнулась я. — Мне нужно море. Я хочу просто сидеть на берегу, смотреть на воду и ни о чем не думать.

Марина вдруг замерла. Ложечка звякнула о край чашки. Она нахмурилась, ее взгляд стал расфокусированным, словно она пыталась решить сложную математическую задачу.

— Погоди... — медленно произнесла она. — Море. Берег. Вода. Светка... Ты же не умеешь плавать.

Я поперхнулась воздухом. Улыбка сползла с моего лица, уступая место неловкому напряжению.

— Ну... не то чтобы совсем не умею, — пробормотала я, начиная крутить в руках бумажную салфетку, разрывая ее на мелкие кусочки. — Я могу стоять по шею в воде. Могу плескаться. Могу держаться за надувной матрас.

— Света, мы с тобой знакомы пятнадцать лет, — Марина посмотрела мне прямо в глаза, отбросив всякую жалость. — Я помню, как мы ездили в Турцию в двадцать два. Ты сидела на шезлонге под тремя зонтами, пока я плавала с маской. Ты боялась зайти глубже, чем по колено. Ты не умеешь плавать. Совсем. И ты едешь на три месяца в курортный город, где до моря пятнадцать минут пешком. Это просто издевательство над здравым смыслом.

Я опустила глаза. Она была права. Это была моя старая, глубокая, тщательно скрываемая рана. Страх воды. Он был неразрывно связан с моим телом. Вода — это стихия, которая не прощает. Вода обтекает, подчеркивает, обнажает. Когда ты заходишь в воду, одежда, скрывающая складки и объемы, остается на берегу. Остается только купальник. А купальник на моем теле — это всегда лотерея, в которую я проигрывала.

Я вспомнила школьные уроки физкультуры в бассейне. Эхо, гул, запах хлорки, разъедающий глаза. Яркие, безжалостные лампы под потолком, от которых не спрятаться. И я, стоящая у бортика в растянутом, выцветшем купальнике, который врезался в бока, пока одноклассницы, худенькие и звонкие, прыгали с вышки, брызгаясь и смеясь. Тренер свистел и кричал: «Светлана, не бойся, вода держит!». Но вода не держала. Вода казалась мне холодной, скользкой бездной, которая только и ждет, чтобы утащить меня на дно. Я была слишком тяжелой, слишком неуклюжей. Я чувствовала себя бегемотом, которого выгнали из болота и заставляют изображать дельфина. С тех пор я плавала только в душе. А на пляже всегда была «хранительницей вещей».

— Я просто буду гулять по берегу, — упрямо сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Собирать ракушки. Читать книги под зонтом. Море не обязательно должно быть местом для заплывов. Можно просто смотреть на него.

— Бред, — отрезала Марина. — Ты едешь к морю, чтобы прятаться от моря? Свет, это какой-то абсурд. Ты едешь туда, чтобы исцелиться, принять себя, отдохнуть, а будешь сидеть на песке и потеть, глядя, как другие наслаждаются жизнью. Это не перезагрузка, это продолжение твоей городской депрессии, просто с видом на Кавказские горы.

Она достала свой телефон, ее пальцы замелькали по экрану.

— Так, я сейчас открою приложения. У нас в городе полно крытых бассейнов. Есть отличные тренеры по плаванию для взрослых. Найдем тебе женщину-инструктора, мягкую, тактичную. Запишем тебя на индивидуальные занятия. Три раза в неделю. До июня у нас еще полтора месяца. Ты научишься держаться на воде, освоишь брасс, перестанешь бояться глубины. И поедешь туда королевой пляжа! Ну, или хотя бы уверенным пользователем водного пространства.

Я смотрела на ее горящий энтузиазмом экран и чувствовала, как внутри поднимается волна протеста. Крытый бассейн. Снова этот гул. Снова этот запах хлорки, въедающийся в волосы. Снова зеркала в раздевалках, где под неоновым светом видна каждая растяжка, каждая складочка, каждая неровность кожи. Снова ощущение, что я — слон в посудной лавке, который пришел учиться грации.

— Нет, Марин, — твердо сказала я, протягивая руку и мягко опуская ее телефон на стол экраном вниз. — Я не пойду в городской бассейн.

— Но почему?! — воскликнула она, искренне не понимая. — Ты же хочешь перестать бояться!

— Потому что городской бассейн — это стерильная лаборатория, — ответила я, подбирая слова, чтобы объяснить то, что сама до конца не формулировала. — Там кафель, хлорка и

зеркала. Там учат технике. А мне не нужна техника. Мне нужно доверие. Понимаешь? Чтобы научиться плавать, нужно довериться воде. Нужно поверить, что она тебя не утопит, что она примет твой вес. А как я могу довериться воде в этом бетонном аквариуме, где на меня будут смотреть сквозь запотевшие очки пловцы-спортсмены? Я там просто зажмусь. Я утону от стыда еще до того, как намокну.

Марина замолчала, вдумчиво глядя на меня. Она всегда умела слушать не только слова, но и то, что оставалось между строк.

— И что ты предлагаешь? — тихо спросила она. — Поехать туда и продолжать бояться?

— Нет, — я улыбнулась, и на этот раз улыбка была другой. В ней не было горечи, только тихая, зреющая решимость. — Я научусь плавать там. На месте.

— Там?! Свет, там дикие пляжи, там волны, там нет дорожек с разделителями! Какой тренер? Где ты его возьмешь в этой своей деревне у тети Вали?

— Тетя Валя знает всех, — рассмеялась я, представляя эту картину. — Она знает, кто продает самую свежую барабульку, кто чинит крыши после шторма и кто лучше всех ставит сети. Я уверена, она найдет мне учителя. Какого-нибудь местного дядьку. Может, старого моряка, который видел в своей жизни столько штормов, что его вообще ничего не может удивить. Или молодого парня, который вырос в воде и относится к морю как к родной матери.

Я закрыла глаза и начала фантазировать вслух, и чем больше я говорила, тем реальнее казалась мне эта картина.

— Представь, Марин. Раннее утро. Солнце только встает, море еще парное, как молоко. Никаких туристов, никаких шезлонгов. Только галька, шум прибоя и этот самый учитель. Он не будет смотреть на мои складки. Ему будет все равно, какой у меня размер одежды, потому что в море все равны. Море не спрашивает паспорт и не оценивает фигуру. Оно просто принимает тебя. И этот местный парень, с обветренным лицом и солеными руками, просто скажет: «Ложись на спину, дыши и смотри в небо». И я лягу. И почувствую, как вода подхватывает мои сто десять килограммов. Как она держит меня. Не осуждает, не пытается «оптимизировать», а просто держит. Потому что таков закон физики и закон милосердия.

Марина слушала, не перебивая. В ее глазах больше не было прагматичного блеска городского жителя, только мягкое, теплое понимание.

— Ты знаешь, — тихо сказала она, — ты сейчас говоришь не про плавание. Ты говоришь про любовь.

Я вздрогнула. Она попала в самую точку. В самое уязвимое место.

— Может быть, — кивнула я, открывая глаза. — Может быть, чтобы научиться плавать, мне нужно сначала научиться доверять миру. Перестать ждать, что меня сейчас начнут оценивать, стыдить или прятать. А где еще учиться доверять, как не на родине, под боком у тети Вали, где пахнет инжиром и детством?

Я доела свой «Наполеон», слизнув с вилки последние крошки крема. Вкус был божественным. Я не чувствовала вины за съеденное. Я чувствовала себя живой.

— Я найду учителя там, — повторила я, уже как заклинание. — Я куплю на местном рынке самый нелепый, самый яркий купальник, который только смогу найти. Может, в горошек. Или с тропическими принтами. И я зайду в воду. И если я нахлебаюсь соленой воды, если я буду кашлять и плевать, если я буду выглядеть как неуклюжий тюлень — мне будет плевать. Потому что это будет мое море. И мое лето. И мое тело. И я никому не позволю заставить меня стесняться того, что я занимаю в этом мире столько места, сколько мне отведено природой.

Марина улыбнулась, протянула руку через стол и накрыла мою ладонь своей. Ее пальцы были прохладными, а моя ладонь — горячее и мягкой.

— Я горжусь тобой, Светка, — искренне сказала она. — Правда. Ты сейчас говоришь как женщина, которая наконец-то решила перестать извиняться за свое существование.

— Я просто устала, Марин, — ответила я, сжимая ее руку. — Устала быть удобной. Устала втягивать живот. Устала выбирать темные углы в кафе и темные переулки у театров. Этим летом я буду занимать собой столько пространства, сколько захочу. И в воде, и на суше.

Мы посидели еще немного, допивая кофе и наблюдая, как дождь за окном начинает стихать, уступая место робким, бледным лучам вечернего солнца, пробивающимся сквозь рваные облака. Город за окном казался серым, тесным и чужим. Но я знала, что это временно.

Когда мы вышли из кафе, воздух был свежим и пах мокрой весенней землей. Я расправила плечи, позволяя своему объемному пальто раздвинуть толпу спешащих с работы людей. Я шла по тротуару, твердо ступая по лужам, и в моей голове уже звучал другой ритм. Ритм прибоя, шуршание гальки под ногами и голос тети Вали, кричащей с веранды: «Светка, иди вареники есть, я с вишней налепила!».

Я знала, что этим летом я не встречу принца. Не встречу фитнес-гуру, который сделает из меня «конфетку». Но, возможно, я встречу кое-кого получше. Я встречу саму себя. Ту самую Светлану, которая не боится глубины. Ту, которая умеет лежать на спине, глядя в бесконечное южное небо, и знать, что вода ее не отпустит. Что мир, несмотря на всех Игорей и Кириллов, способен ее удержать.

— Пиши мне, — крикнула Марина, садясь в подъехавшее такси. — И если найдешь того самого старого моряка, передай ему, что он должен быть терпеливым!

— Обещаю! — крикнула я в ответ, смеясь и размахивая зонтом, как мечом.

Я повернулась и пошла к метро. Впереди было полтора месяца работы, сборов и ожидания. Но внутри меня уже грелось маленькое, яркое южное солнце. И оно обещало, что этим летом я, наконец-то, научусь дышать. И держаться на плаву. Сама. Без чьей-либо помощи, но с полным правом на это огромное, соленое, бескрайнее счастье.

Глава 2

Июнь обрушился на Геленджик сразу, без всяких прелюдий в виде робких весенних дождей. Воздух был густым, плотным, его можно было резать ножом и намазывать на хлеб вместо масла. Он пах раскаленной хвоей, солью, пылью с серпантина и сладким, дурманящим ароматом цветущей олеандры.

Дом тети Вали стоял на холме, в стороне от шумной набережной и суеты курортного центра. Это был старый, добротный дом из ракушечника, с широкими ставнями и верандой, увитой диким виноградом. Сад был похож на запущенный ботанический сад: здесь вперемешку росли инжир, грецкий орех, какие-то невиданные кусты с яркими ягодами и огромные листья лопуха, в тени которых прятались ящерицы.

Первые три дня я просто приходила в себя. Я спала по десять часов, просыпаясь оттого, что солнце, пробиваясь сквозь листву, рисовало на моем одеяле зеленые кружева. Я работала удаленно, сидя за старым дубовым столом на веранде, попивая ледяной компот из алычи, который тетя Валя варила в промышленных масштабах. Мой ноутбук казался здесь чужеродным предметом, порталом в ту, московскую жизнь, которая теперь казалась мне сном — серым, дерганным и бесконечно уставшим.

Тетя Валя была силой природы. В свои шестьдесят пять она обладала энергией, которой хватило бы на обслуживание небольшой электростанции. Она не ходила, а перемещалась по дому и саду широкими, уверенными шагами, гремя кастрюлями и отдавая приказы коту Барсику, курам, а заодно и мне.

— Светка, ты почему такая бледная? — громогласно вопрошала она, ставя передо мной тарелку с хачапури, от которого шел пар. — Ты там в своем офисе что, солнечные ванны не принимаешь? Ешь, а то сдуешь, и тебя ветром с веранды унесет.

Я смеялась, отламывая хрустящий край лепешки, и чувствовала, как внутри меня развязываются какие-то тугие, болезненные узлы. Здесь, в этом доме, мои сто десять килограммов не были проблемой. Тетя Валя сама весила немало, и ее подруги, приходившие по вечерам пить чай с вареньем из шишек, были женщинами «в теле». Здесь ценились другие вещи: умение слушать, способность посмеяться над собой, крепкие руки, чтобы помочь перенести мешки с мукой, и хорошее сердце.

Но море... Море было рядом. Я слышала его по ночам — глухой, ритмичный гул, который доносился с побережья, когда ветер дул в сторону гор. Я видела его с холма — огромную, сверкающую на солнце синюю чашу. И этот вид вызывал у меня странную смесь восторга и липкого, холодного страха.

На пятый вечер, когда жара спала и мы сидели на веранде, чистя молодую картошку, я не выдержала.

— Теть Валь, — начала я, стараясь говорить как можно небрежнее, — а далеко отсюда до дикого пляжа? Который за маяком?

Тетя Валя ловко срезала кожуру, не поднимая глаз.

— Минут сорок пешком, если через лес. А по серпантину — час. А тебе чего? Купаться собралась? Так иди на центральный, там вода теплая, как в тазу.

— Нет, на центральный не хочу. Там люди, — я замялась, чувствуя, как к щекам приливает жар. — И вообще... я, наверное, просто буду гулять по берегу. Я ведь плавать не умею. Совсем.

Нож тети Вали замер в воздухе. Она медленно подняла на меня глаза, в которых читалось искреннее, южное недоумение.

— В смысле? Как это не умеешь? Ты же на море приехала.

— Ну не умею и не умею, — я пожала плечами, пряча взгляд. — Боялась всегда. В детстве в бассейне нахлебалась, потом в школе стыдилась... Короче, я «хранитель вещей». Мне и на берегу хорошо. Книжку почитаю.

Тетя Валя фыркнула, отложила нож и вытерла руки о фартук.

— Глупости какие. Приехать на Черное море и сидеть на гальке, как чайка на пирсе. Это не дело, Светка. Море оно ведь не только тело моет, оно и голову прочищает. Тебе нужно плавать.

— Теть Валь, ну я взрослая женщина, — слабо возразила я. — Мне страшно. И... неловко.

— Чего неловко-то? Воду стыдить? — она махнула рукой. — Ладно. Не умеешь — научим. У меня тут как раз вариант нарисовался.

Я насторожилась.

— Какой вариант?

— Помнишь мою подругу Людку? С которой мы в молодости на сборе винограда знакомство с твоим дядей Васей свели? У нее сын, Андрей. Гостит сейчас у матери. Он в Москве живет, в каком-то элитном фитнес-центре главным по воде работает. Тренер, мастер спорта, или как там у них. Приехал на месяц, говорит, выгорел. Нервы лечит, морем дышит. Людка вчера жаловалась, что он без дела сидит, скучает, только и делает, что на доске серфинговой катается. Я ей скажу, пусть тебя поучит.

У меня внутри все похолодело. Картинка, которая возникла в моей голове, была пугающей до дрожи.

— Тетя Валя, нет! — почти выкрикнула я. — Ты что! Какой московский фитнес-тренер? Он меня увидит и... и...

— И что? — прищурилась тетя.

— И ужаснется! — выпалила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слезы. — Он же привык к этим... спортивным, сухим, с кубиками! А я для него буду... ну, как слон в посудной лавке. Он будет смотреть на меня и думать, как бы меня «похудеть». Я не хочу! Я лучше утону в своей неуверенности, чем пойду к нему на растерзание!

Тетя Валя посмотрела на меня долгим, спокойным взглядом. В ее глазах не было жалости, только мудрость женщины, которая прожила долгую жизнь и видела всякое.

— Светка, — тихо сказала она. — Ты себя слишком высоко ценишь, если думаешь, что чужой мужик будет тратить свои мозги на твои комплексы. Ему, может, вообще все равно, как ты выглядишь. Для него ты — задача. Физика. Архимедова сила. Ты думаешь, врач, когда тебе горло смотрит, думает о том, какая у тебя прическа? Нет. Он ищет воспаление. Так и этот. Ему платят за то, чтобы ты не утонула. А не за то, чтобы он тебя оценивал. Подумай. Людка сказала, он берет частные уроки, чтобы на новый мотор для лодки накопить. Ему нужны деньги, тебе нужны навыки. Чистый бизнес.

Я молчала, глядя на свои руки, испачканные в картофельном крахмале. Слова тети Вали падали в мою душу, как тяжелые, гладкие камни. *Чистый бизнес. Физика.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.